

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Международный сборник научных статей

**Новополоцк
ПГУ
2013**

Е.Н. Гражевская (Полоцк, ПГУ)

КОНЦЕПЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ

Поэзия Сильвии Плат (1932 – 1963) проникнута высокой степенью эмоциональности. Предельная интенсивность эмоциональных переживаний Сильвии Плат охватывает все лирические произведения поэтессы, независимо от тематики и от авторского отношения к рассматриваемой проблеме. Высокая степень эмоциональности во многом определяется особенностями самого характера и отношения к окружающему миру поэтессы, относящейся многими исследователями к исповедальной поэзии, что немаловажно для понимания концепта эмоциональности в рамках поэзии Сильвии Плат. Экспрессия стихов поэтессы обусловлена не установкой на поэтическую трактовку автобиографического, не слиянием жизни и поэзии, а глубоким осознанием литературной традиции и мастерским владением поэтическим языком.

Поэтесса, претворяя неповторимое духовное состояние в художественный образ, придаёт ему широко обобщённое значение; она как бы предлагает читателям, переживающим аналогичное состояние, готовые формы его выражения. Для достижения этой цели Сильвия Плат искусно использует все «лирическое пространство», отведенное для того или иного события, воспоминания или же наболевшей проблемы того времени не только на личностном, но и на общественном уровне. Поэтессой используется многообразие приемов для полного раскрытия всего потока эмоций, вызываемого той или иной тематикой. Можно выделить характерные особенности создания «эмоционального мира» в поэзии Сильвии Плат, что прослеживается на конкретных примерах.

Так как поэзия Сильвии Плат по праву относится к исповедальной поэзии, то выражение эмоций занимает здесь ведущее положение. Как истинный представитель исповедальной поэзии, Сильвия Плат писала о собственных переживаниях, ощущениях, страхах. Среди тем её лирики были семья, женская судьба, природа, смерть. Эти темы наиболее остро переживались поэтессой, что ярко подчеркнуто в лирическом материале Сильвии Плат рвущимися из сердца строками. Это удивительно живые стихи о пережитом, не просто о выстраданном – о потрясшем. И в них всегда было и есть дыхание. В самом прямом смысле: слышно, как поэтесса дышит тождеством между личностью, жизнью и словом [1, р. 39].

Одной из особенностей построения «эмоционального мира» некоторых лирических произведений Сильвии Плат является не постепенное нарастание эмоций по мере раскрытия проблематики, а хаотичность в их реализации. Примером является стихотворение *Love Letter*, где можно четко проследить сначала плавное раскрытие чувства досады, печали и сожаления с кульминационным завершением:

You didn't just tow me an inch, no-
Nor leave me to set my small bald eye...

а затем строки спокойствия и тишины: *That wasn't it. I slept the silence, say.* Но спокойное эмоциональное состояние резко сменяется бурей эмоций и переживаний и резкостью в их выражении:

I shone, mice-scaled, and unfolded
To pour myself out like a fluid
Among bird feet and the stems of plants.
I wasn't fooled. I knew you at once.

Поэтесса как будто дает читателю время на переживание выраженных эмоций, но затем снова не может справиться с их бурным потоком и вновь высказывает наболевшее. Во многом такое построение «эмоционального контекста» создает подобие хаоса, порой складывается впечатление, что поэтесса сама не может точно определиться в доминирующей константе, то ли это тоска, то ли гнев, то ли просто временный порыв злости. Такого рода хаос достаточно труден для восприятия и для его понимания необходимо переживать что-то похожее. В стихотворении *Spinster* поэтесса описывает свою лирическую героиню, как охваченную страданием, обидой, подчеркивая это яркими экспрессивными метафорами и сравнениями:

By this tumult afflicted, she
Observed her lover's gestures unbalance the air.

Но через несколько строк образ лирической героини наполнен полностью другими эмоциями, безразличием, холодом и равнодушием:

Ice and rock, each sentiment within border,
And heart's frosty discipline
Exact as a snowflake.

Порой такой «эмоциональный хаос» может напоминать поток сознания, присущий модернистской литературной традиции. «Поток сознания», являющий себя в стихах Сильвии Плат, может быть определен как психотический тип речи. Модернизм любит психозы; прибегает к игре «психологических альтернатив».

В предельной интенсивности эмоциональных переживаний Сильвии Плат (в одном из своих лучших стихотворений она сама определяет это состояние как «лихорадку») с самой чувственностью происходит метаморфоза, которая на первый взгляд может показаться странной: чувственность утрачивает глубину, стремится к поверхностности. В данном случае относительная утрата глубины – это всего лишь «компенсация» за предельно актуализированное внешнее проявление эмоции [1, р. 45].

Внутренний мир Сильвии Плат в её стихах выглядит «вывернутым наизнанку»: всё то, что находится в глубине, в сокрытости, в невидимости, – то, по отношению к чему весь классический поэтический дискурс может быть опознан всего лишь как техническая операция «извлечения», «поднятия из глубин», теперь перемещается «наружу», «на поверхность»; не просто «перемещается», а «выплескивается», «выбрасывается», и, как следствие, неизбежно резко воздействует на того, кто в данный момент оказался рядом, и наиболее близким человеком здесь является читатель. В наиболее ярких произведениях Сильвии Плат эмоциональная напряжённость её речи стремится к предельным уровням интенсификации; это «зашкаливающее» напряжение, «взрывая» целостный образ реальности, превращая его в осколки, стремится к «силовому» снятию тех изначальных экзистенциальных и психологических противоречий.

Наряду с «эмоциональным хаосом» Сильвии Плат присуще и линейное построение своего собственного «эмоционального мира». По мере нарастания интенсивности эмоционального напряжения возникает ситуация взрыва. *Fever-103* – яркое проявление такой взрывной природы поэтики Плат: отдельные образы – это и есть фрагменты сознания-чувственности, смешанные в сферу потока – в стихию поэтической речи. Пик эмоциональности Сильвии Плат придерживает до конца, держа читателя в напряжении и предельной сконцентрированности, желая быть выслушанной и понятой до конца:

By kisses, by cherubim,
By whatever these pink things mean.
Not you, nor him.

Not him, nor him
(My selves dissolving, old whore petticoats) –
To Paradise.

Анализ некоторых наиболее эмоционально насыщенных лирических произведений наталкивает на мысль, что предельная интенсивность проявления чувственности является самоценностью и самоцелью для поэтессы. В итоге эта чувственность утрачивает и всякого рода конкретность значений, выходит из-под власти определений. Горечь, обида, страх, ненависть, разочарование, гнев – всех этих чувств слишком мало для того, чтобы определить такую чувственность в целом; всё это, даже вместе взятое, оказывается меньше того эмоционального потока, что является собой в поэтике Плат. Поэтому поэтесса создаёт «свою индивидуальную чувственность», лишенную каких-либо границ и свободную от всего конкретного. Для создания такого рода чувственности недостаточно существующего набора лексических единиц, способных указать на ту или иную переживаемую эмоцию. Для раскрытия своего эмоционально богатого мира Сильвии Плат недостаточно взять готовые классические образы, она создает свои и вкладывает в них частичку своей страдающей души. Поэтесса прибегает к использованию ярких экспрессивных тропов, чтобы читатель попытался проникнуть в авторское неистовое переживание. В качестве стилевых лирических доминантов в художественной речи Сильвии Плат можно выделить огромное количество ярких сравнений и метафор, которые помогают поэтессе «выплескивать» свои эмоции и переживания. Например, сравнения:

Inert as a shoelace; dead (Medallion)
The sheets grow heavy as a lecher's kiss
Greasing the bodies of adulterers
Like Hiroshima ash and eating in (*Fever 103*).
Haunched like a faun, he hooded
From grove of moon-glint and fen-frost (*Faun*)
Riding the tide of the wind, steady
As wood and formal, in a jacket of ashes (*A Winter Ship*)
Mother Medea in a green smock
Moves humbly as any housewife through
Her ruined apartments, taking stock (*Aftermath*)

Метафоры:

But a thin silence.
 Wrapped in flea ridden donkey skins (Thin People).
 This park is fleshed with idiot petals.
 White catalpa flowers tower, topple,
 Cast a round white shadow in their dying (Moonrise)
 Summer grows old, cold-blooded mother. (Frog Autumn).

Для большей детализации переживаемых чувств и эмоций Сильвия Плат использует ряд синтаксических стилистических фигур, простых по композиции, но достаточно эффективных с точки зрения экспрессии и смысла передаваемых эмоций и переживаний: повторения (*The sin. The sin; Get back, though, soon, Soon: be it by wakes, weddings, So many of us! So many of us!*), параллельные конструкции (*Riddled with ghosts, Deadlocked with them; Darling, all night I have been flickering, off, on, off, on;* риторические вопросы (*Is it difficult to imagine how fury struck – Dissolved now, smoke of an old war?*), обращения (*Lemon water, chicken Water, water make me retch*). Используя синтаксически неоправданные паузы в середине строки, поэтесса дает возможность читателю эмоционально подготовиться к новому всплеску чувственности:

Your body...
 Hurts me as the world hurts God...
 I am a lantern

Несмотря на хаотичность в воспроизведении пережитого и прочувствованного, поток изображенных эмоций имеет четкую направленность в своем движении. Этот поток себя проявляет как знак страдания, либо как свидетельство осуществляющегося саморазрушения, то есть мы можем сказать, что этот поток несет в себе деструктивную наполняющую. Большинство лирических произведений представляют собой избавление от душевных страданий, боли, одиночества. Именно поэтому темы, затронутые Сильвией Плат, проникнуты высокой степенью пессимизма и досады, разочарования. Даже если и есть минутные проблески надежды и веры во что-то светлое и легкое, это быстро сменяется грузным потоком страдания, разочарования, граничащего с гневом из-за безысходности. Внутренний мир Сильвии Плат наполнен страданием, – страданием, проявляющим себя в предельно яркой – катастрофической форме (*Fever 103*); страданием усталым, – после эмоционального взрыва в сознании утверждается атмосфера некоего безразличия, склонного к внешне нейтральным, отстраненным смысловым констатациям. Даже тема любви для Сильвии Плат стала поэтическим пространством для выражения страданий и негодования, чьи разнообразные формы располагаются «где-то посередине» между полюсами эмоционального взрыва и эмоционального опустошения. Поэтесса боится выходить за рамки своей внутренней реальности, не может преодолеть господствующее состояние боли и страха. Поэтому, смерть – разрешение этого психологического, внутреннего напряжения, что возникает в процессе интенсивного переживания внутреннего конфликта. Мотивы смерти довольно часто становятся «посредниками» между выраженным состоянием и избавлением от него:

The fountains are dry and the roses over.
 Incense of death. Your day approaches (The Manor Garden).
 In my grandmother's sand yard. She is dead,
 Whose laundry snapped and froze here, who
 Kept house against (Point Shirley)

Поэзия Сильвии Плат, будучи ярким примером предельной интенсивности чувственности и эмоциональности, является неисчерпаемым источником новых образов, новых традиций и парадоксальных лирических явлений. Как представительница исповедальной поэзии поэтесса полностью использовала поэтическое пространство для выражения чувств и эмоций, переполнявших ее душу посредством экспрессивных стилистических фигур, ярких образов. Сильвия Плат имеет свой собственный неповторимый «эмоциональный мир», представленный то как хаос, то как четкая линейная конструкция, имеющая логическое завершение в образе смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kyle, B. Sylvia Plath, a Dramatic Portrait / B. Kyle. – HarperCollins, 1977.
2. Lane, G. Sylvia Plath: New views on the poetry / G. Lane, Ed. Baltimore. – Johns Hopkins University Press, 1979.
3. Plath, S. The Colossus & Other Poems / Sylvia Plath. – New York, 1962. – 104 p.